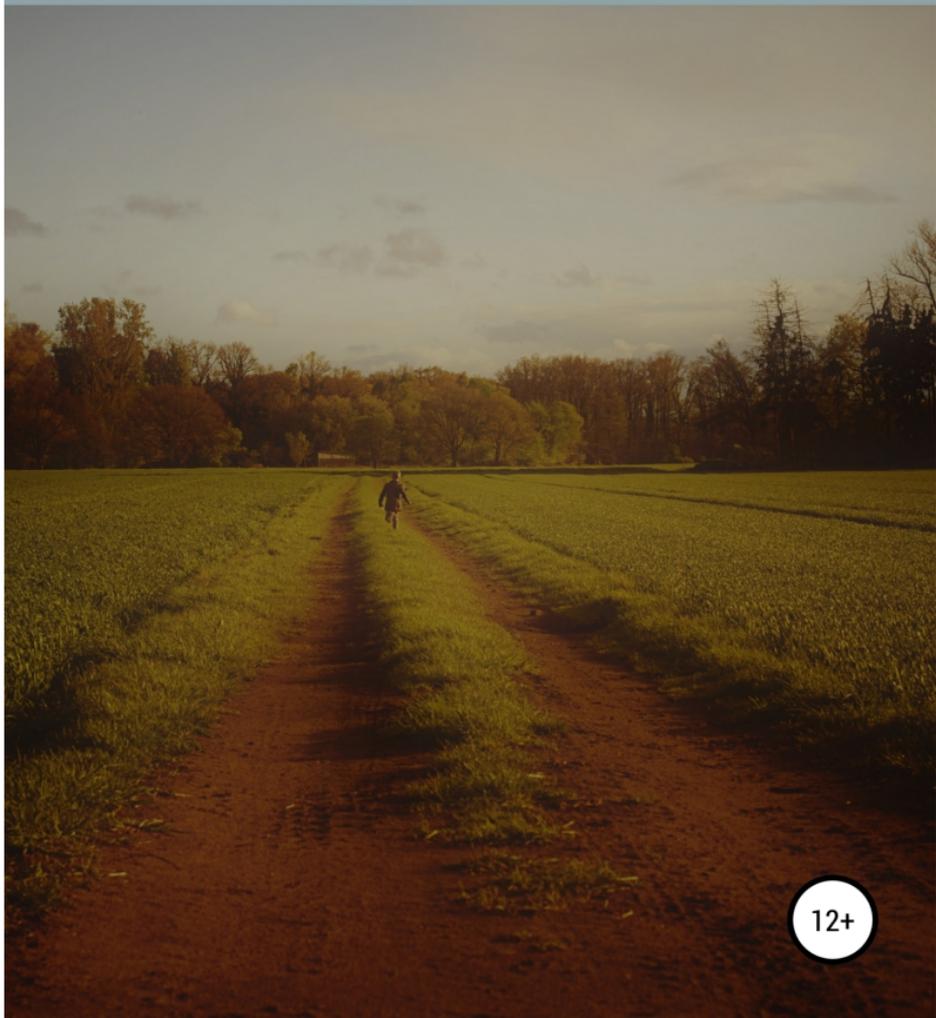

Почикаев Павел

Перекрёстки

12+

Павел Сергеевич Почикаев

Перекрёстки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67823654

SelfPub; 2022

Аннотация

Когда диагноз превращается в приговор, наступает время пересмотра своих собственных убеждений. Доведённый до крайности человек в отчаянной попытке будет искать спасительную надежду в том, что раньше отрицал. Путь его будет лежать к пустынному перекрёстку, где он надеется отыскать спасение и узнать его цену.

Павел Почикаев

Перекрёстки

Написанный чёрный по белому диагноз больше всего напоминал приговор. Это и был приговор, напечатанный самым популярным компьютерным шрифтом на бумаге. Листок был ещё тёплым в тот момент, когда его передали Ллойдду.

Конечно, доктор Мариус уже давно обо всём знал, в этом и состояла его работа, чтобы уметь различать подобные случаи, за это он и получал деньги, причём весьма нешуточные. Возможно, на подсознательном уровне Ллойд и сам всё прекрасно понимал, только отказывался в этом признаваться самому себе. Казалось, стоило только допустить мысль или хотя бы намёк на эту мысль, как она тут же материализуется. Он не позволял себе об этом думать, но эта примитивная тактика оказалась совершенно недееспособной.

Доктор Мариус был уважаемым врачом, его имя кое-что да значило в современной онкологии, если бы в медицине было принято раздавать Оскары, то доктор непременно бы его получил. Может быть, не за лучшую роль, но вот за лучшую роль второго плана непременно.

Когда Ллойд впервые очутился в кабинете доктора – просторной комнате с большим смотровым окном, из которого открывался чудеснейший вид на раскинувшиеся снизу кор-

пуса лечебного комплекса – он почувствовал некоторое облегчение, которое вполне можно было сравнить с промельком уже сгнувшей надежды. Во-первых, попасть к доктору оказалось поистине трудоёмким процессом, его основными клиентами были крупные шишки из высокого света, и Ллойд пришлось пустить в ход все свои связи и, конечно, деньги. Одно лишь количество нулей в чеке, выписанном на имя Мариуса, говорило о том, что этот человек просто обязан спасать людей золотыми руками. Во-вторых, облегчение, охватившее Ллойда во время первого визита к доктору, было связано и с огромным количеством грамот, сертификатов, дипломов, благодарственных писем, украшавших стену за изящной гнутой спинкой кожаного кресла доктора.

Человек со столь впечатляющим портфолио и огромным опытом обязан был помочь Ллойд. По крайней мере, так он считал в день их первой встречи.

Всё стало понятно по тону доктора, когда тот позвонил в обед и пригласил Ллойда к себе. Но Ллойд предпочёл отмахнуться, мало ли из-за чего у Мариуса может стать такой надломленный голос. Всё стало ещё понятнее, когда Ллойд непривычно бодро перешагнул порог кабинета. Последней всегда умирает надежда на надежду, он цеплялся за эти слова. Всё стало очевидно, когда он пробежался глазами по написанным на листке словам.

Не было необходимости дотошно вчитываться в каждую строчку, нужные слова стояли на самом видном месте и для

пущей наглядности были ещё подчёркнуты снизу толстой линией. Линией, подводящей черту.

Ллойд подумал, что такого просто не может быть, скорее всего сюда вкралась ошибка: доктор просто перепутал имена двух своих пациентов, это чистая случайность, что на бланке с именем Ллойда оказался совершенно не его диагноз.

Он отоврался он напечатанной странички, в глаза сразу бросились многочисленные дипломы и грамоты, занимающие целую стену от уровня стола практически до самого потолка. Когда-то давно они награды заставили Ллойда поверить в благополучный исход, сейчас они обернулись для него предвестниками страшной действительности, потому что каждый из них подтверждал учёность и опытность Мариуса.

Да, доктор был выдающимся специалистом и смыслом его жизни было выявление подобных случаев, а значит в диагнозе не было ошибки. Там её просто не могло быть.

– Мне очень жаль. – Произнёс он, пристально глядя через золотую оправу, его мясистые пальцы с двумя довольно внушительными перстнями тяжело лежали на папке с рентгеновскими снимками. – Нам нужно обсудить кое-какие вещи, Ллойд. Ещё есть время. Вам не стоит отчаиваться.

От последней фразы Ллойд чуть не зашёлся нездоровым смехом. Не отчаиваться? Если бы он не был отчаянным, разве он бы вообще пришёл сюда? Жизнь, протекающая вокруг него, внезапно смазалась, все краски пошли прахом, не нуж-

но было получать медицинское образование, чтобы в конце концов выражать свою жалость. Всякий сподобился бы на такие слова. Но не всякий получал за такие слова баснословные суммы.

Они ещё долго говорили, доктор Мариус убеждённым тоном приводил примеры из собственной практики, он рассказывал о новейших способах лечения, которые успешно прошли стадию экспериментов, он перечислял препараты, применение которых имеет подтверждённую вероятность улучшения состояния... Ллойд слушал, физически он присутствовал в кабинете доктора, но на самом деле за это время в его голове не возникло ни единой мысли.

Ллойд кивал, его потные пальцы поглаживали уже изрядно помятый лист, правая нога выбивала нервную дрожь о ножку стула, ногтём ему практически удалось стереть напечатанное слово "злокачественная".

– И, Ллойд, вам нужно прекращать курить. – Видимо, время, проплаченное Ллойдом, уже заканчивалось, раз доктор стал тактично завершать разговор. – В вашем положении курение это попытка медленного самоубийства. Всё не так плохо, как вы считаете. Вам нужно хорошенько подумать о нашем разговоре, а после этого мы с вами снова встретимся. Позвоните мне, когда будете готовы.

Они пожали руки. Видимо, доктор не сомневался, что Ллойд к нему обязательно вернётся, он так и не показал ему рентгеновские снимки, которые остались лежать на сто-

ле доктора.

Выйдя от Мариуса, Ллойд впервые попытался по-настоящему взглянуть на происходящее. Его наивные ширмы отрицания дали трещины в тот день, когда в первый раз решил показаться доктору. Нет, даже ещё раньше, ведь на протяжении долгого времени он всё откладывал этот визит, и огромная сумма чека была очень удобным предложением.

И без всяких учёных докторов Ллойд догадывался о том, что нездоров: боли в груди, затруднённое дыхание, капельки крови, которые он старался как можно быстрее смывать водой... Самообман, в котором он бесплатно жил несколько месяцев.

Фотографы лучше прочих знают ценность упущенных моментов, врачи лучше других знают горечь обманутых ожиданий, ведь в большинстве случаев людям совершенно не хочется слышать от них правду. Иногда за потраченные деньги хочется услышать что-нибудь приятное.

Если тело и является храмом человеческим, то Ллойд не особо сильно следил за порядком в нём, и это дало о себе знать именно тогда, когда оно практически перестало ему служить. В нём жила болезнь, она сидела у него в груди и миллиметр за миллиметром умертвляла его изнутри. И учёные в больших кабинетах с громкими именами и благодарственными письмами ничего не могли противопоставить мутировавшим клеткам. Они могли только ссылаться на "подтверждённую вероятность" с точностью до восьмого знака

после запятой.

Листок с правдой, которую он не хотел знать, скомканный, отправился в мусорную корзину, расположенную у входа в онкологическое отделение. Из кармана куртки Ллойд достал купленную с утра пачку, ловко выудил из неё сигарету и вставил себе в рот. Чиркнувшая зажигалка подожгла кончик, если верить словам доктора, сейчас начался очередной сеанс медленного самоубийства.

Оказавшись на скользкой дорожке, ведущей только вниз, Ллойд не был таким спокойным, как могло показаться на первый взгляд. Ни друзья, ни коллеги ничего не знали, для них он оставался всё тем же Ллойдом, которого они знали, к которому успели привыкнуть, никто из них даже не подозревал о внушительных тёмных пятнах на рентгеновских снимках его лёгких.

И он правильно делал, что никому не показывал своей слабости, только в собственной маленькой квартире он выходил из роли успешного человека и превращался в страдальца, боящегося хода времени. После посещения доктора Ллойд ни разу не поменял дату на календаре.

Узнав о его проблеме, люди могли отреагировать по-разному: кто-то бы непременно стал его сторониться, времена чумы и проказы давно прошли, но в людском сознании надёжно закрепился ярлык, предостерегающий от контактов с больными людьми. В большинстве своём никто об этом не

задумывался, почему-то подобную неразборчивую брезгливость было принято считать установившейся нормой. В своей голове он видел, как коллеги, сидящие за соседними столами, начинают от него отодвигаться, видел, как в тесном лифте рядом с ним образуется вакуум и люди стараются не дышать в его присутствии.

Несмотря на двадцать первый век, некоторые средневековые стереотипы были живы и поныне.

Однако куда сильнее в таком случае его пугала иная реакция – жалость. Несомненно, на одного отвернувшегося придётся минимум один человек, жалеющий Ллойда. От такой перспективы его передёргивало. Доктор уже выразил ему свою жалость, легче от этого не стало, наоборот на душе появился гадкий осадок. Ллойду была противная сама мысль о том, что кто-то будет смотреть на него понимающими глазами и пытаться его успокоить. Пусть гордыня и считается грехом, от неё Ллойд отказываться не собирался. В этом убеждении он был твёрд и непреклонен.

К собственному удивлению, Ллойд должен был признать, что непростой разговор с доктором задел некоторые слои его сознания, в следствии чего на поверхность вышел всегда умалчиваемый от самого себя вопрос веры или, вернее сказать, полного безверия.

В первую очередь, Ллойд не верил в современную медицину. Да, многие болезни теперь вылечивались в считанные дни, многие из них утратили былую угрозу, но в вопросах

лечения рака до сих пор оставались сплошные пробелы. Мариус приводил названия препаратов, называл случаи из собственной практики, но о скольких случаях он умолчал? Каково было соотношение тех, кто смог оправиться от опухоли, к тем, кому не так повезло? "Подтверждённая вероятность" звучала не очень убедительно, опять же статистические данные во всех смыслах удобнее приводить в более радужной форме.

Ллойд имел представление о людях с подобными проблемами, он видел жертв химиотерапий, облысевших и скелетоподобных. Он не собирался мочиться под себя и существовать лишь за счёт обезболивающих и ежедневных процедур. Опять же в дело вступала гордость, а ещё ему становилось стыдно при мысли о том, как на его убогое, умирающее тело придут посмотреть коллеги. Большинству из них всё это будет противно, но они заставят себя прийти, потому что так положено. Они будут пребывать в уверенности, что совершают хороший поступок и между собой станут называть это "нанести визит".

От одной только мысли об этом Ллойд становилось тошно. Альтернативу малодушному и медленному увяданию он видел лишь в одном. Он уверял себя, что ему хватит сил. Пистолет в качестве варианта он отбросил сразу: он жил не в Техасе и достать пушку было не так-то и просто, к тому же после пистолета останется очень много грязи. Скорее он склонялся к таблеткам, большому количеству таблеток, про-

глоченных в тёплой ванне.

Во вторую очередь, Ллойд просто не верил. Для него небо было лишь небом, а земля – землёй, воскресение было выходным, потому что так было прописано в законе и не более. Саму мысль о том, что лекарство от всех болезней заключено в коленапреклонённой позе и смиренном виде, он находил непрактичной.

В его положении отмахиваться от ещё одной возможности получить надежду было неправильно, но с этим Ллойд ничего не мог поделать, пусть даже длительное время он и занимался самообманом, на счёт религии он имел вполне устоявшиеся мнения, отступить от которых не собирался, пусть даже впереди его ждала неприятная развязка. Пациентов, спасшихся от болезни силой своей веры, было явно меньше тех, кому помогли препараты с "подтверждённой вероятностью", если вообще подобные примеры наблюдались.

Совершенно новыми глазами Ллойд пересмотрел картину "Достучаться до небес". Он и раньше не один раз наблюдал его по телевизору, но тогда он не задумывался над тем, что сильный кашель, с которого начинались его утра, был предвестником тяжёлого недомогания, уже сидевшего в нём. "Достучаться до небес" очень малобюджетный фильм без спецэффектов и кассовых сборов, но это хороший фильм с правильным посылом и вполне предсказуемой концовкой. В этом фильме, как в жизни, концовка была единственно возможной. Даже при первом просмотре в ней не было ника-

кой интриги, хотя, скорее всего, отыскиались бы какие-нибудь законченные оптимисты, рассчитывающие на иное завершение фильма. Увы, таких непременно ждало бы разочарование.

В фильме всё началось с бутылки текилы, лайма и сильного желания увидеть море... У Ллойда не оказалось под рукой текилы и лайма, а на море он успел побывать несколько раз, и он по-прежнему не мог избавиться от тяги к сигаретам.

А ещё у него появилось новое хобби. Со студенческих времён он не имел никакого занятия, позволявшего ему перестраиваться с работы на отдых. По большей части его досуг состоял из просмотра кабельного, причём без всякого разбора в выборе каналов. Телевизор создавал необходимый фон, дающий ему возможность расслабляться и проветривать мозги. Как и всё масштабное, его увлечение началось с сущих пустяков.

Ллойд стал сидеть на онкологических форумах, сначала он только пробежал глазами текст, выхватывая из него отдельные куски. Потом интерес (не исключено, что к своей собственной судьбе) стал пересиливать, и его уже привлекали подробности. Он вчитывался в истории болезней, которые рассказывали люди, с ними столкнувшиеся, и постепенно это стало его потребностью. Ллойд стал коллекционировать чужие случаи, он стал одержим ими.

Хвала всемогущему Интернету, на неиссякающих просторах которого может отыскаться всё, что угодно. С обычных

зачастую безымянных форумов Ллойд стал переходить на конкретных личностей, его интересовали знаменитости. Существовал даже сайт, на котором в алфавитном порядке были приведены имена людей, умерших от рака лёгких.

С дотошностью студента-первокурсника, готовящегося к сессии, Ллойд принялся штудировать известные фамилии. За каждой ссылкой встречались абсолютно непохожие истории, каждый выбирал свой путь, двигался со свойственной ему скоростью, однако в каждом случае просматривался общий знаменатель.

Список включал в себя множество позиций, Ллойд в качестве эксперимента прокрутил колёсиком мышки несколько страниц вниз, но интриги ради заставлял себя не вчитываться в имена. Он принадлежал к числу тех людей, которые никогда не заглядывали в последние главы детективных романов. Определённо его внезапное хобби получило внушительную основу, а последовательный образ мышления заставлял Ллойда строго придерживаться алфавитного порядка и не забегать вперёд.

Первой личностью, напротив фамилии которой можно было поставить пометку "великий", стал Дисней. Поначалу даже и не верилось, что режиссёр, предприниматель и создатель будущей мультимедийной империи, одно только имя которого представляет собой бренд, имел точно такую же картину лёгких, как и Ллойд. Что тогда, что сейчас они принадлежали к людям разных масштабов, но в итоге вый-

ти должны были на равных. Уолт Дисней привёл в этот мир не одну дивную сказку, вот только его собственная история имела отнюдь не счастливый конец.

Наверное, в этом можно было разглядеть иронию. Добрый сказочник, развлекающий детей многих поколений, умирал, отхаркивая кровь и мучительно задыхаясь. Помимо прочих заслуг Диснеею принадлежи абсолютный рекорд и кинематографу, недостижимый и в наше время, на счету мультипликатора 26 золотых статуэток Оскара. 26 раз он удостоивался этой награды, никому более и не снилось более двух дюжин статуэток за раз, а он ими обладал. Видимо, это лишний раз подчёркивало его талант и значимость.

Но всё же внушительный список наград не смог ничего противопоставить маленькой и каждодневной привычке. За каждым Оскаром стоял не один блок выкуренных сигарет, помимо наград и уважения в груди самого мультипликатора копились отравляющие его клетки. Добрый сказочник сам пустил себе в лёгкие рак, который и довёл его до могилы.

Интересно, что после смерти Диснея во всех фильмах его компании запретили показывать сигареты, намекая таким образом на печальную кончину создателя. Конечно, это стоило рассматривать в качестве прощального поклона ушедшему мастеру, это был красивый и правильный жест, но Ллойд так и не удалось вспомнить в диснеевских мультиках ни одной сцены курения.

Статью про Диснея Ллойд перечитал трижды, уж очень

она не вязалась с концепцией известного во всём мире отца Микки Мауса и Бэмби. О подобном точно не было принято сообщать детишкам, да и с трудом верилось, чтобы создатель Белоснежки и её гномов дымил, как паровоз, мурлыкая себе под нос мотивчик из мультика.

Не посети он доктора Мариуса, ему бы и в голову не пришла мысль заходить на такие сайты и читать про знаменитостей, он бы так никогда и не узнал, отчего умер добрый Уолт Дисней и какой ценой ему давались Оскары... А впереди было ещё столько статей, столько имён и судеб ждали его за каждой ссылкой. Дисней стал первым "великим" среди известных в коллекции Ллойда, но далеко не последним.

Номер второй по истечению какого-то времени достался Джо Кокеру. Как и Дисней, он имел в своём владении фигурку Оскара, к которой добавлялась и премия Грэмми. Выходило, что золотые статуэтки не могли служить лекарством против рака лёгких. Хриплый баритон Кокера отправился вслед за фантазиями Диснея, они перешли в разряд прошедшего времени.

Уж кого Ллойд никак не ожидал увидеть в своей коллекции, так это Йохана Кройфа. Нидерландский футболист, трижды становившийся лучшим игроком планеты, оказался заядлым курильщиком. Оставалось только гадать, как при таких нагрузках на организм, он не откинулся на несколько лет раньше во время очередного матча за звание чемпиона. Ллойд видел выступления Кройфа (в записи, конечно, не в

живую), того не зря причисляли к числу лучших футболистов двадцатого века. Сначала он менял игру, как игрок. затем стал заниматься этим уже с тренерской позиции и как много достижений его команды ждало бы впереди, если бы не пагубная привычка.

Он, пробегавший за матчи по десять-двенадцать километров в рваном и постоянно изменчивом темпе, под конец жизни начал задыхаться от простого подъёма по лестнице. Воистину, человек состоит из противоположностей.

На букву "М" значился Маккуин Стив тот самый гонщик, который снялся в "Великолепной семёрке". Ллойд фильм смотрел, правда нашёл его скучноватым, но не таким унылым, как оригинальная версия Куросавы "Семь самураев". Маккуин отыгрывал хорошо, но гонял ещё лучше, вполне резонно было ожидать, что он закончит свои дни в какой-нибудь автомобильной катастрофе, что будет гореть резина, торчать развороченный металл, шипеть нагретый бензин... А потом люди станут приносить к его закрытому гробу освежители воздуха в виде ёлочек.

Но скорость не несла в себе никакой угрозы для Стива. Под конец жизни он заинтересовался и серьёзно увлёкся восточными единоборствами, свёл дружбу с Чаком Норрисом и Брюсом Ли, и на похоронах последнего даже нёс его гроб, но ни реакция гонщика, ни ловкость восточного бойца не сумели защитить его от курения.

Следующий случай Ллойд находил очень жестоким, если

судьба и решила проверить скверную шутку, то в качестве жертвы выбрала Клода Моне. Художник имел двойную катаракту, потребовалось несколько операций, чтобы вернуть его глазам способность к восприятию. Зрение было восстановлено, вот только после этого Моне стал видеть ультрафиолетовую часть спектра в голубых цветах. То, что ему представлялось лиловым, все остальные люди видели белым. Рискую лишиться зрения, художник не оставил рисование, как раз наоборот он стал демонстрировать на своих полотнах ту изменённую палитру, которая заменила ему привычную картину мира.

Проблемы со зрением не мешали ему творить ему ещё на протяжении четырнадцати лет, а вот рак обмануть оказалось не так-то просто. Именно от него он и скончался на 86 году жизни...

Продолжая следовать алфавитному порядку, Ллойд всё больше убеждался в том, что слова доктора Мариуса были пустыми. Панацеи не существовало, была лишь возможность искусственно продлевать мучения, а думать о таком исходе Ллойд не хотелось. Он так и не рассказал никому о своей болезни. Ллойд выписал себе две недели оплачиваемого отпуска, уж небольшую передышку он точно заслужил. Не так глубоко в его сознании билась мысль о том, что это, возможно, его последний отпуск. Зато после него он без ограничений сможет слушать баритон Джо Кокера и смотреть мультики про Микки Мауса...

Скорее всего, Ллойд стал бы уже готовить для себя необходимое количество таблеток, придумывая текст прощальной записки, если бы не одно "но". Это была случайность, что ему подвернулась ссылка, это была глупость, что он решил прочитать статью, это было полное безумие, что он решил попробовать.

Ему не хотелось ощущать себя беспомощным утопающим, но соломинка, попавшаяся на его пути ко дну, оказалась столь интригующей, что Ллойд решил схватиться за неё.

Хуже стать уже точно не могло.

На самом деле, он прочитал больше одной статьи. Он изучил буквально всё, что ему удалось выжать из Интернета, хотя и понимал, что практически всегда ему попадалась полнейшая чушь, придуманная подростками. Иногда чушь была написана чуть лучше, иногда Ллойда просто трясло от элементарной неграмотности. Он даже отложил коллекционирование знаменитостей.

Самая первая статья была обозначена просто "Перекрёстки", текст был набран белым шрифтом на чёрном фоне, по краям от него изображались стилизованные луны, звёзды и ещё какие-то совершенно непонятные для Ллойда закорючки. Он бегло, по диагонали пробежал написанные абзацы, да примерно что-то такое ему уже доводилось слышать, но было это в те времена, когда у него не было не то что рака, у

него и волос на груди тогда не было. Он был малышом, и истории, рассказанные с фонариком у догорающего костра, были его самым большим кошмаром.

И всё же некоторые слова зацепили его внимание, они словно острые крючки запутались в извилинах его мозга и заставили задержаться на них. "Заветное желание", "исполнение", "исцеление"... Полнейшая дурь, проку от которой не больше, чем от жалости доктора Мариуса.

Ллойд собирался закрыть странную ссылку, но курсор замер на фоне красного крестика. Доктор Мариус показал себя совершенно недееспособным человеком, он умел только обещать и сожалеть, реальной пользы от него не исходило... а если доктора с их "подтверждённой вероятностью" ничем не могли помочь, то почему бы не попробовать?

Попробовать что? Поверить в какую-то нелепую статью в Интернете? Ллойд придерживался прогрессивных взглядов на жизнь, но не верил, что при нём человечество сможет долететь до Марса, как не верил и в двойственную природу Иисуса, не говоря уже об этой самой статье!

А если не пробовать верить, а просто попробовать?

Что он потеряет? Скорее всего ничего, если не считать времени, которого у него оставалось не так уж и много. А что приобретёт? Опять же, ничего. Вопрос, а если вообще в этой попытке хоть какой-нибудь смысл, Ллойд умышленно обошёл вниманием.

Его палец кликнул, но не на закрытие ссылки. Он открыл

в поисковике новое окно и стал искать аналогичные статьи.

Прочитать пришлось немало, хоть и найти что-нибудь стоящее представлялось непростым занятием. Для начала Ллойд даже не понимал, что может являться стоящим, поэтому он просто прочитывал все тексты, пытаясь проникнуться сутью написанного. В дальнейшем он вооружился остро заточенным карандашом и разрозненные факты из различных статей стал компоновать в нечто логическое и взаимосвязанное.

Кем бы не являлись авторы этих статей, подавляющее большинство из них сходились в том, что обряд нужно проводить в полночь, каждый предлагал своё видение дальнейшего развития событий, но время оставалось неизменным.

Всегда фигурировал перекрёсток, в зависимости от толкований он мог включать в себя три, четыре, а то и больше дорог, так же не особо понятно было, с какой стороны на него нужно заходить. В одном месте человек, подписывающийся Хелсинг, утверждал, что нужно идти в направлении заходящего солнца и не оборачиваться, ему абсолютно противоречил другой знаток перекрёстков, который писал, что для достижения ожидаемого результата необходимо прийти с севера и обойти перекрестье дорог ровно столько раз, сколько лучей входит в него.

Ллойд попался текст, в котором говорилось о том, что в момент свершения ритуала при себе нужно иметь пригоршню жжёного зерна и часы с маятником. Зерно предстояло

высыпать на землю перед красной женщиной, выходящей из-под земли и держащей в руках огненного петуха. Пока птица клевала зерно, а часы отбивали двенадцать ударов, нужно было успеть донести свою просьбу до женщины. Далее приводилось описание возможных последствий, однако Ллойд прекратил чтение, среди прочих эта статья явно перевешивала остальные по показателю фантастичности.

Авторы сходились на том, что обязательной принадлежностью ритуала является коробка (обязательно с крышкой), а вот в вопросах её наполнения снова следовали разногласия. Совершенно точно в коробку нужно было положить какое-нибудь собственное изображение: фотографию, водительское удостоверение, заграничный паспорт, а вот другие "ингредиенты" менялись от источника к источнику. Уже известный Ллойд Хелсинг утверждал, что в коробке должна лежать голубиная кость, ему противостоял другой знаток потустороннего, уверявший, что птичьи останки тут совершенно не годятся, вместо них нужно использовать переднюю лапку чёрного кота, извлечённую из кладбищенской земли. Несколько раз Ллойд натёкался на радикальные заявления о том, что кости должны принадлежать младенцу, этот вариант сразу переключался в разряд неприменимых.

Вполне очевидно, что валютой в подобном действии должна была выступать душа, в которую Ллойд не верил, а потому и готов был ей торговать. Чем чище душа, тем выше она ценится на тёмном рынке, поэтому к перекрёстку надле-

жало прибывать после воздержания от пищи, дабы тело имело возможность очиститься и стать более привлекательным вместилищем души.

Про голодание Ллойд читал несколько раз, он не видел абсолютно никакой связи между воздержанием от пищи и очищением души, но поместил этот пункт в свой блокнот, по крайней мере звучало это более обосновано, чем кормёжка огненного петуха жжёным зерном.

И, конечно же, очень много было написано про сам перекрёсток. Постепенно Ллойд приходил к выводу, что количество дорог не играет определённой роли, был важен факт их пересечения сам по себе, но всё же это не мог быть какой-нибудь случайный перекрёсток. Городские абсолютно не подходили для таких целей, нигде не было приведено хоть сколько-нибудь убедительной аргументации, но в черте города не стоило и думать о проведении ритуала. Лучше всего подходили грунтовые дороги, расположенные в какой-нибудь глубинке, где точно можно не рассчитывать на встречу со случайным автомобилем. Добираться до выбранного перекрёстка предстояло на своих двоих, Ллойд не очень импонировала идея тащиться за городскую черту поздней ночью, но как он уже убедил себя, он ничего от этого не терял. Погода установилась достаточно тёплая, так что можно будет рассматривать это, как обычную прогулку, совершаемую ночью за пределами города в поисках пересечения грунтовых дорог.

Не самая простая задача натошак пройти несколько десятков километров и рассчитать время так, чтобы выйти на перекрёсток ближе к полуночи.

Убедившись в том, что в Интернете более не осталось статей, которые он не прочитал минимум один раз, Ллойд склонился над блокнотом, исписанным мелким почерком, и стал методично выделять те места, которые, по его мнению, являлись основными. Он черкал, закрашивал, обводил и делал пометки. В результате получасовой работы он имел лист, испещренный стрелками, кругами и сносками, между которых можно было разобрать оставшиеся слова: "перекрёсток", "в полночь", "коробка обязательно с крышкой", "закопать руками", "геометрический центр", "ФОТО", "идти пешком", "поцеловать?", "не есть", "без свидетелей".

На заранее выбранный перекрёсток он прибыл незадолго до полночи, хвала Интернету и высоким технологиям, позволявшим путешествовать, не выходя из дома. Ллойд заранее просмотрел панорамы нескольких перспективных, на его взгляд, перекрёстков. Все они находились на удалении от городских огней, имели заброшенный вид и были грунтовыми.

Ллойд предстояло преодолеть семь миль, и путь этот надлежало проделать без автомобиля. Честно говоря, Ллойд пребывал в заблуждении относительно своей физической формы, сидя перед экраном стильного ноутбука и измеряя расстояние, он не находил его огромным. Семь миль, да, не

каждый день совершаешь такую прогулку, но всё же это не так далеко, как Китай. Семь миль – это несколько кругов вокруг парка, находившегося в нескольких кварталах от квартиры Ллойда. Семь миль он осилит.

Только, сидя в кресле, он совершенно не представлял, каково это тащиться семь миль в одном направлении, чувствуя, как лёгкие постепенно отказываются принимать воздух. В программу прогулки Ллойд не включил свой объявившийся рак.

Ещё со школьных времён он имел привычку приходить заранее, сама мысль об опоздании заставляла его всюду торопиться, постепенно всё это переросло в стиль жизни. Ллойд предпочитал два часа посидеть в зале ожидания с книжкой в руках, чем мчаться в таски и ежесекундно сверяться с наручными часами. Он всегда появлялся на рабочем месте раньше всех остальных, просто потому что привык к этому с детства. Уж лучше прийти раньше на пятнадцать минут, чем опоздать на пять – в полном согласии с этим высказыванием Ллойд и жил.

И сейчас давняя привычка пришлась как нельзя кстати, потому что иначе он бы так и не сумел добраться до выбранного перекрёстка к полуночи. Ещё на подходе к городской черте его сердце выдавало сто двадцать ударов в минуту, дыхание превратилось в сплошную отдышку, а сам он чувствовал непривычную тяжесть в ногах. Машина отучила его от длительных прогулок, она слишком изнежила его тело, от

чего он и пребывал в столь плачевном состоянии ещё в самом начале своего маршрута. Ллойд пришлось опуститься на скамейку и подождать, пока пульс немного нормализуется. Его так и распирало от любопытства посмотреть, сколько он уже отшагал, но и без карт он знал, что одолел едва ли треть от намеченного. А ведь ещё нужно было вернуться домой!

Почему эта мысль не появилась у него раньше? Неужели странные статьи так сильно завладели его вниманием, что он совершенно забыл умножить семь на два? Четырнадцать миль – вот какой была истинная протяжённость его прогулки! Осознание было столь сильным, что Ллойд чуть было не повернул назад. На миг его захлестнуло желание забросить в ближайшие кусты жестяную коробку, которую он нёс в руках, хорошенько отсидеться и уже без всякой спешки направиться обратно.

Пока он размышлял, момент оказался упущенным, дома его не ждало ничего кроме ещё одного вечера, наполненного коллекционированием знаменитостей, а в нескольких милях впереди находился перекрёсток, по всем параметрам подходящий для проведения ритуала. В "подтверждённую вероятность" Ллойд не верил, но верил ли он в перекрёсток? Он не знал, но хотел попробовать.

Время приближалось к половине десятого. Очень сильно хотелось пить, рубашка и брюки Ллойда пропитались едким и пахучим потом, лёгкий ветерок облизывал его влажную ко-

жу, а внутри у него было сухо. Ллойд проводил языком по верхней губе, захватывая маленькие капельки и с жадностью их глотал. Слюни стали вязкими и тёплыми, но давали хоть какое-нибудь ощущение влаги во рту.

Ллойд отбросил некоторые подробности статей, которые показались ему несущественными, но "голодание" оставил. В этом действии просматривалась определённая жертвенность, это вполне отвечало его представлениям о законах спроса и предложения. Ллойд не ел на протяжении трёх дней и терялся в догадках относительно того, как другие люди выдерживают предписываемый некоторыми статьями девятидневный пост. Наверное, у них в жизни всё ещё хуже, чем у него. Уже после первого дня без пищи Ллойд стал чувствовать недомогание, его организм был приучен к трёхразовому питанию, а тут устоявшийся механизм начал давать сбой. Он терпел тянущую боль в нижней части живота, но даже во время сна она давала о себе знать.

Вчера вечером он выпил последний стакан воды, и с тех пор не прикасался к питью. По этой же причине в дорогу он не стал брать даже маленькой бутылочки с водой. Двести миллилитров без проблем поместились бы в кармане его брюк, он бы растянул их на несколько приёмов, но в данном случае вода выступала соблазном, от которого он решительно отказался.

Пожалел ли он об этом? Его внешний вид и самочувствие говорили в пользу утвердительного ответа.

Куда сильнее нехватки воды его напрягала коробка. На кухне он раскопал старую жестяную форму от печенья и сложил в неё свой пропуск на рабочее место, где имелась его улыбающаяся фотография, к тому же у коробки имелась крышка. Счастливый своей находкой Ллойд даже не подумал о том, чтобы прихватить рюкзак или на худой случай пакет.

Он шёл, перекладывая коробку из одной потной ладони в другую, кляня себя за непредусмотрительность. Жестянка оказалась слишком большой для его карманов, оставалось только нести её в руках.

Итого с учётом первой остановки возле скамейки Ллойд устраивал привалы пять раз. Последний раз он присел прямо на землю на обочине одной из дорог, составляющих его перекрёсток. В нагрудном кармане его рубашки, оттопыривая ткань, лежала распакованная пачка сигарет, за прошедшие трое суток он курил всего два раза, и оба заканчивались рвотными позывами в туалете. Ллойду показалось, что рвотные массы были окрашены кровью. Свободные от жестяной коробки пальцы в полном соответствии с привычкой периодически поднимались и отгибали клапан кармана. Действие было чисто рефлекторным, Ллойд не отдавал себе в нём отчёта.

Курение было его привычкой, привычка – натурой, такой же составляющей его "я", как и боязнь опоздать.

Ему удалось добраться до перекрёстка, преодолеть чёртовы семь миль, и за это время не выкурить ни единой сигарет-

ки. Возможно, в этом заключался повод для настоящей гордости, но Ллойд почему-то казалось, что длинный маршбросок нанёс его организму куда больше вреда, чем недавние сигареты, вызвавшие тошноту.

Часы на его руке, считывающие пульс, показывали, что до полночи оставалось пятнадцать минут, ему нужно было приступить к тому, ради чего он устроил этот марафонский забег. Ллойд позволил себе несколько лишних минут сидения, и уже после них направился к центру перекрёстка.

Теперь он понимал, почему коробочку стоило закапывать руками, он бы не прошёл и половины расстояния, если бы тащил на себе ещё и лопату. Геометрический центр Ллойд определил на глаз, в его распоряжении не было ни нужного оборудования, ни времени, после долгих раздумий он пришёл к выводу, что сторона подхода к перекрёстку не играет никакой роли, потому как во всех статьях эти данные различались. Он понятия не имел, с какой стороны зашло солнце и где располагаются остальные направления.

От усталости он с большим удовольствием плюхнулся на коленки прямо в дорожную пыль. Лицо перекосила неприятная гримаса, когда маленькие камушки вонзились в его кожу, Ллойд не сомневался, что порвал брюки, но в данной ситуации вовсе не обратил на это внимания. Пока гудящие ноги немного отдыхали от тяжести его тела, руки пригоршнями загребали землю и отбрасывали в сторону.

Ллойд всегда следил за состоянием собственных ногтей,

он терпеть не мог, когда они хоть немного выступали за подушечки пальцев и стриг их примерно каждые пять дней. Он содержал их в образцовом порядке и после каждой стрижки тщательным образом обрабатывал пилочкой, а сейчас все его старания отправлялись коту под хвост.

Песок и грязь моментально забили ему под ногти, попадающиеся камни царапали ухоженную поверхность и оставляли после себя зазубрины, но Ллойд упорно продолжал вычёпывать сухую землю из всё увеличивающейся ямки. Ему показалось, что на правой руке сломалось как минимум два ногтя.

Жестяная коробка, причинившая ему столько неудобств во время перехода, продолжала создавать трудности. И угораздило его взять именно эту коробку! Вне всяких сомнений у него на кухне можно было найти и менее габаритную ёмкость, но его взгляд упал именно на эту старую упаковку из-под печенья, о том, что её придётся закапывать он снова не подумал!

Время тикало, оно приближалось к полуночи, а Ллойд всё возился с жестянкой, крышка которой до сих пор находилась выше края выкопанного углубления. Теперь Ллойд точно был уверен, что он успел сломать ногти на обеих руках, пальцы ныли от тупой боли, песок проникал в появившиеся трещинки, поэтому он просто обхватил руками кучку уже выкопанной земли и засыпал ей жестянку. Получилось не очень красиво, больше всего напоминало маленький курган,

появившийся в самом центре перекрёстка.

У Ллойда не осталось сил что-либо переделывать, если он не успел или выполнил действия слишком криво, то зазря притащился в эту глушь. В любом случае он выкурит сигарету, нет, сначала посидит и подышит, только потом достанет из кармана рубашки пачку сигарет. Пусть его сердце не выдержит такого, зато он умрёт вместе со своей привычкой.

Ллойд представлял, как закурит, а если начнёт тошнить, то просто отвернётся в сторону. Ему вдруг очень захотелось кусить табачного дыма...

– Привет. – Произнёс человек, стоящий по ту сторону перекрёстка. Он находился на продолжении линии Ллойд – закопанная коробка и появился в тот момент, когда Ллойд прикрыл глаза. Только что перекрёсток был пуст, а теперь на нём появился этот человек.

Выглядел он столь непримечательно, что изначально Ллойд не связал его появления с закопанной коробкой. Ему подумалось, что на дорогу вышел бродяга, глазам которого открылось странное зрелище: сидящий на земле человек в дорогой рубашке, освещённый лунным светом. Что бы на это сказали его друзья? Насколько сильно они бы удивились, узнав о том, что свой отпуск Ллойд проводит, скитаясь по безлюдным перекрёсткам?

Он собирался поднять грязную руку в приветствии, но идущие слова вышли кашлем. Ллойд повалился на четвереньки, выпучивая глаза, а в голове у него формировалась

цепочка событий, казавшаяся невероятной. При такой луне он бы заметил приближающегося человека, но этот не шёл по перекрёстку, он вообще не двигался. Он просто ... возник на том месте, где его увидел Ллойд. Откашлявшись, он посмотрел на холмик насыпанной земли, под которым он захоронил жестянку. Он собирался попробовать, и, видимо, у него получилось.

Он ещё раз посмотрел на поприветствовавшего его человека. Тот, если и производил впечатление, то не впечатляющее. Маленький, весь как будто бы ссутуленный и втиснутый в обветшалое пальто, жиденькая чёлка была зачёсана за одно ухо, плечи задраны вверх, нервные пальцы беспрестанно массируют ладони. Типичный представитель педофила, каким его, наверное, принято изображать в полицейских учебниках. Все детали Ллойд просмотрел мельком, его интересовали глаза, они...

– Они не красные. – Подтвердил очевидное человек по ту сторону перекрёстка. – И не светятся в темноте. Это всё выдумки, как и многое другое.

Вопрос, прозвучавший в голове Ллойда, всё же обрёл ответ, но сам Ллойд потерял ориентировку, он продолжал стоять на четвереньках и по-собачьи пялиться на появившегося человека.

– Не красные? – Протянул он.

– Нет. Абсолютно. Ни сколько. – Тон у появившегося человека был скучающий, но всё же он решил внести оконча-

тельную ясность. – Совершенно не красные.

Не известно, сколько времени Ллойд провёл бы в собачьей позе, если бы из его нагрудного кармана не выскользнула пачка сигарет. Она плюхнулась в дорожную пыль, подняв облачко мелкого песка, этот звук вывел Ллойда из ступора. Он попытался одновременно занять стоячее положение и подхватить выпавшую пачку. Раньше он и не замечал, как сильно дрожат его руки. Человек по ту сторону перекрёстка терпеливо наблюдал на неуверенными движениями Ллойда.

– Вообще-то я... – Страждущий исцеления Ллойд вдруг совсем забыл, зачем пришёл в это забытое людьми место.

– Я знаю. – Утвердительно заявил человек по ту сторону перекрёстка. – У тебя дурной вкус, Ллойд. Да и на фотографии ты получился не очень. – Говоривший одним подбородком тряхнул в сторону закопанной коробки, его руки ни на секунду не останавливались, пальцы теребили друг друга с такой силой, что в любой момент могли оторваться.

– Ты знаешь, кто я такой? – Ллойд сильно увлёкся игрой пальцев своего собеседника, но вовремя вернул себя к теме разговора. Об этом он читал, что ж, в таком случае можно избежать целого ряда вопросов, над ними он как-нибудь порассуждает позже, если для него останется это самое позже. – Ты знаешь, кто я такой, тогда тебе известна причина, по которой я здесь.

– Конечно известна. – Человек на той стороне не двигался, он словно обратился в статую, подвижность сохраняли

только переплетающиеся пальцы да язык, выскакивающий, чтобы облизать губы. Эти губы сразу не понравились Ллойд-ду, они выглядели слишком тонкими и напоминали спагетти. – От тебя несёт внутренней гнилью, ты даже не представляешь, насколько близок к могиле. Я знаю, сколько сигарет ты выкурил за свою жизнь. Я знаю день, когда ты пристрастился к этой привычке. Я знаю, сколько затяжек ещё смогут выдержать твои лёгкие.

После этого монолога губы-спагетти человека по ту сторону разошлись в улыбке, которая абсолютно не изменила постного выражения его лица. Пальцы двигались, язык высывался и тут же прятался. Его глаза ничуть не напоминали красные. Ллойд не мог разглядеть их цвет, но видел, что глаза у человека слезящиеся, как будто он постоянно смотрел через дым.

– И ты можешь забрать это? – Ллойд представилось, что на его вопрос он получает отрицательный ответ, а человек на той стороне поворачивается к нему спиной и исчезает. Голос дрогнул.

– А ты захочешь отдать это? – Человек с той стороны ловко перекинул вопрос Ллойд-ду. – Вижу, ты успел подготовиться к нашей встрече, а потому должен знать, какая валюта единственно ценится в таких сделках. – Он шумно втянул носом воздух. – А твоя валюта вполне даже чиста, я бы даже сказал, что она хороша собой!

– Так, ты сможешь забрать это? Ты сможешь исцелить ме-

ня, убрать эту мерзость из моей груди? – Ллойд уверенно продолжал гнуть свою линию.

– Да. – прозвучал лаконичный ответ с той стороны перекрёстка.

– Тогда я согласен на сделку. – Скорее всего, Ллойд не осознавал важность происходящего и настоящую цену, которую ему придётся заплатить.

Человек по ту сторону перекрёстка не выразил никаких эмоций, его слезящиеся глаза продолжали смотреть прямо в лицо Ллойд, пальцы мяти фаланги другой руки.

– А знаешь, что, Ллойд? Ты очень азартный. – Человек с той стороны вдруг заговорил совершенно о другом.

– Я? – Ллойд был искренне удивлён, азартные игры его никогда не привлекали, к Лас Вегасу он не приближался и на двести миль, и никогда не спорил на деньги. – Это точно не про меня, я не...

– Это точно про тебя, потому что ты заядлый курильщик, Ллойд. Табак – твой азарт. И даже не пытайся отнекиваться. – Человек с той стороны дороги сделал приглашающий жест. – А знаешь, я хочу предложить тебе не совсем обычную сделку. Мы можем немного отступить от привычного сценария и выйти за его рамки. Что скажешь, Ллойд?

Сделка на перекрёстке изначально не выглядела привлекательно, но после такого отступления становилось ещё напряжённее. Ллойд следовало бы остерегаться столь кардинального отклонения от плана сделки. Об этом не раз гово-

рилось в статьях, которых он успел начитать. Внезапно ему показалось, что человек с губами-спагеттинами откажется лечить его!

– Что звучит это очень подозрительно. – Он не хотел вестись на провокацию, но всё же не выдержал и как бы мимоходом озвучил свой вопрос. – И что же такого необычного ты можешь предложить?

– О, всего лишь небольшой бонус к тому, который ты и так получишь. – Яркий язык всё чаще выглядывал из его рта, пальцы продолжали безостановочно тереть друг друга. – Я излечу тебя, ведь именно за этим ты сюда и пришёл. Я заберу из твоих лёгких рак, ведь это тебе и нужно.

– Да, это я собирался просить. – Ллойд не удивлялся тому, что человеку на той стороне всё про него известно. – И какой бонус ещё ты хочешь добавить к этой сделке?

Губы-спагеттины продолжали кривиться.

– Я всего лишь сделаю так, что сигареты перестанут причинять тебе вред. Вообще. Ты сможешь смолить целый день, и это никоим образом не скажется на твоих лёгких, никотин не будет влиять на твой организм, но наслаждение ты будешь получать, как и прежде.

Пришёл черёд Ллойда немного улыбнуться и поднять кверху ладони.

– После всей этой истории я планирую завязать с курением...

– А я планирую отрастить крылья. – Резко перебил его

человек с той стороны перекрёстка. – Кого из нас ты хочешь обмануть, Ллойд, себя? Потому как я знаю, что ты этого не сделаешь. Я не зря назвал тебя азартным, потому что ты настолько свыкся с табаком, что и нескольких дней не протянул без него. Твои слова пусты.

На каком-то уровне сознания Ллойд был согласен с тем человеком, он храбрился, говоря о том, что разом бросит курить, на деле он подразумевал, что станет заниматься этим реже обычного. Будет заставлять себя сдерживаться. По крайней мере станет пытаться.

Ему оставалось признать правоту человека на той стороне перекрёстка.

– И ты предлагаешь сделать меня неуязвимым для сигарет? Предлагаешь мне мечту курильщика без оглядки на возможные ухудшения здоровья? Звучит слишком красиво, чтобы оказаться правдой, уверен, ты не договариваешь обратную часть этого бонуса.

– А она очень проста: одна из сигарет тебя убьёт.

Ллойд удивлённо вытаращился на того человека. И это называется бонусом? Ну уж, нет, ему резко перестала нравиться эта сделка без свидетелей при лунном свете. Спасибо, конечно, но от такого предложения вынужден отказаться...

– Отказаться? – Интонации человека с той стороны звучали удивлённо. – Наверное, ты просто не понимаешь, какой карт-бланш я предлагаю тебе. Самая обычная, назовём её классической, сделка на перекрёстке заканчивается обме-

ном души на исполнение желания. Всем это известно. Известно и то, что человеку даётся десять лет жизни, а после этого за ним приходит наш посланец. Десять лет. А ты получишь столько времени, сколько посчитаешь возможным. Сигареты не будут причинять тебе вреда, но от одной из них ты моментально умрёшь. Это может случиться уже завтра, если ты не сумеешь отказаться от своей привычки, а, может и через сорок лет! Ллойд, даже мне не будет известна та самая сигарета... К тому же, ведь ты собирался бросить курить, не так ли?

Цифра в десять лет встречалась ему постоянно. именно такой срок отмерялся счастливчику в обмен на его душу. С одной стороны, это не мало, для Ллойда, которому оставались считанные недели, десятилетие представлялось новой жизнью, но имея возможность выбирать между десятью годами и куда большим сроком, здравый смысл перетягивал в сторону последнего. Весьма неплохой стимул, чтобы бросить курить. Наверное, он сумеет заставить себя отказаться от сигарет, тем более зная о том, что одна из них станет для него последней.

– Давай я проговорю условия нашего соглашения. – Ллойд принялся загибать пальцы. – Во-первых, ты излечиваешь меня. Во-вторых, делаешь так, что сигареты не причиняют мне никакого вреда, сколько бы я их не выкурил. А в-третьих, ты отменяешь десятилетний срок, если я соглашаюсь на... э-э-э... неклассический вариант сделки? – Три пальца оказались

прижатыми к ладони, которую он продемонстрировал человеку на той стороне перекрёстка.

– Всё верно. И что же ты ответишь на такое предложение, Ллойд?

Устрашающий стимул придал ему самоуверенности, поэтому Ллойд выразил своё согласие.

– Да. Я согласен.

– Ради этих слов я и существую. – Проговорил человек на той стороне перекрёстка. Он слегка развёл свои подвижные руки в стороны, низко склонил голову и быстро зашевелил губами-спагеттинами.

Когда он закончил шептать, его руки вновь сплелись на груди, а слезящиеся глаза уставились на Ллойда.

– И всё? – Удивлённо спросил он, ощупывая своё тело. Ллойд ничего не заметил, с ним абсолютно ничего не произошло, его состояние ничем не отличалось от того, что было пять минут назад.

– А ты чего ожидал? Финальной сцены из фильма "Константин"? Мы с тобой не в кино, да и на Киану Ривза ты не сильно-то похож.

– А нам не нужно скреплять сделку поцелуем? Во многих источниках говорилось, что это обязательно...

Ллойд поднял голову, на другой стороне перекрёстка уже никого не было. Да и не пригрезился ли ему весь этот диалог? Он почувствовал усталость, как будто из него выпустили весь воздух, и не оставалось сил, чтобы держаться на но-

гах. Нужно было возвращаться и хорошенько отлежаться, он почти не сомневался в том, что ночное путешествие ещё несколько дней будет напоминать о себе болью в мышцах.

Но перед тем, как повернуться спиной к пересечению дорог и небольшому насыпанному им холмику, Ллойд решительным движением выхватил из нагрудного кармана пачку сигарет и запулил ею в придорожную канаву.

Первое, что сделал Ллойд, проснувшись ближе к обеду следующего дня, это удалил из телефонной книжки номер доктора Мариуса, с этим человеком его теперь ничего не связывало. Затем он записался на приём в ближайшую больницу, где за плату делали рентгенографические снимки лёгких, а после заварил себе невероятно крепкий чай.

Трое суток его желудок пустовал и по пробуждению настойчиво требовал пищи. Ллойд не видел причин отказывать ему, поэтому распахнул холодильник и стал выкладывать на стол практически все продукты, на которые падал его взгляд. Взбалтывая яичницу, переворачивая гренки и очищая апельсин, Ллойд не переставал прислушиваться к своему организму. Он думал, что ему удастся уловить изменения, но он не ощущал ничего нового.

Из зеркала на него смотрело исхудалое и ввалившееся внутрь лицо, ему не мешало бы побриться и изобразить хотя бы подобие жизнерадостности. Пока что единственное, в чём он был уверен, так это боль, отдававшаяся во всём теле,

вечерний марафон давал о себе знать, ноги пружинили при каждом шаге, колени немного дрожали, возвращаясь в комнату, Ллойд приходилось придерживаться за стену, чтобы не упасть.

Пропитанную потом и пылью рубашку он бросил в ванну, грязные и порванные брюки – в мусорную корзину. Пока ещё он имел возможность покупать вещи, поэтому мог и спокойно выкидывать их.

На этот раз одеваясь, он отдал предпочтение свободной майке и лёгким штанам, от больницы его отделяло несколько кварталов, и их он решил преодолеть пешком, пусть даже ноги по-прежнему были тяжёлыми после вчерашней прогулки.

Сначала он даже не поверил своим глазам, когда на рентгеновском снимке не обнаружилось чёрных пятен. Их там не было. Тяжёлые частицы прошивали его лёгкие, но на своём пути не встречали ничего смертельного. Проводивший фотографирование медик сумел выявить только сколиоз небольшой степени, появившийся у Ллойда ещё в средней школе, во всём остальном внутренности Ллойда являли собой образец здоровья. Он так и выразился: образец здоровья.

Получив подтверждение того, что события ночи не стали частью его сна, Ллойд вышел из больницы с конвертом в руках, снимки печатались на больших форматах, нести их было неудобно, но они не шли ни в какое сравнение с жестяной коробкой, которую Ллойд захоронил под перекрёстком. Его

телефон в кармане вибрировал, номер не определялся, но он практически не сомневался, что это доктор Мариус звонит с целью назначить ему новое свидание, чтобы снова выразить свою жалость и получить за это кругленькую сумму. Ллойд игнорировал вызовы.

Он так и шёл до самого дома с большим конвертом, зажатый подмышкой, руками, засунутыми в карманы, и впервые за очень долгое время дышал полной грудью.

Его сил и внутренней выдержки хватило на неделю. Семь дней он держался без сигарет, семь дней у него не возникало пагубного желания закурить, сто шестьдесят восемь часов он хранил верность своему отказу. И не смог устоять соблазну, когда по дороге на работу ему на глаза попался небольшой киоск, торгующий прессой, где помимо свежих газет можно было приобрести и курево.

Обычно он добирался до работы на машине, но после той ночи на перекрёстке дал себе зарок как можно больше ходить пешком. Возможно, ему бы удалось удержаться, если он, как и прежде воспользовался машиной, возможно, ему бы на глаза не попался этот самый киоск, если бы он не крутил головой по сторонам.

Ллойд уверял себя, что сбавил темп только для того, чтобы успеть прочитать броские заголовки первых полос, но он лишь мельком скользнул по ним глазами, а потом как бы ненароком посмотрел туда, где были выставлены сигаретные

пачки. Тут продавалась одна дрянь, дешёвка, которую он бы никогда себе не позволил в былые дни. Но былые дни закончились на грунтовом перекрёстке, а здесь и сейчас ему нестерпимо захотелось купить пачку дешёвых и омерзительных сигарет.

Он их просто купит, не будет же он и в самом деле совать в рот эту дрянь? Курить подобное – не уважать самого себя, таким промышляют только конченные нищоброды и представители общественного дна. Люди со вкусом побрезгуют называть это сигаретами.

Всё это Ллойд проговаривал про себя, ожидая пока толстая женщина перед ним скупит все журналы с гороскопами на неделю вперёд, он уверял себя, что хочет лишь потешить самолюбие, в последний раз совершить привычную покупку. Он-то завязал, он бросил это дело, его впереди ждали не десять лет, а куда больше времени, которым он собирался воспользоваться... Пальцы сами вытащили нужную купюру из бумажника и положили купленную пачку в нагрудный карман.

А всего пару часов спустя во время обеденного перерыва Ллойда начало ломать. Сидя на рабочем месте, он никак не мог успокоиться, руки всё время лезли проверять пухлую картонную пачку, раздувающую его карман. Он не мог сосредоточиться на расчётах и деловой переписке, он облизывал губы и часто выходил в туалет, чтобы смочить лицо.

Ему хотелось закурить, хотелось разорвать целлофан, ото-

гнуть клапан и засунуть в рот одну из этих мерзких сигарет. В кармане джинсов притаилась зажигалка, давешняя привычка не желала так скоро забываться. У него во всех штанах лежало по зажигалке или на худой конец пачка бумажных спичек. Ллойд готов был закурить прямо в офисе, если это принесёт ему хоть какое-нибудь облегчение.

Перед ним стояло лицо с раздвинутыми губами-спагеттинами, оно не соврало, когда сказала, что заберёт болезнь – лёгкие Ллойда были первоначально чисты, значит и по поводу всего остального тот человек на перекрёстке не соврал. Значит, действительно, в этом мире находилась одна сигарета, способная убить его. И не исключено, что как такая и скрывается в пачке, которую Ллойд купил нынче утром.

Он раньше положенного времени ушёл на обед. Помещение для курения, отграниченное от остального офиса и вынесенное на специальную веранду, пустовало. Ллойд присел на дальнюю скамейку, в руках он сжимал пачку, а в голове происходила борьба с самим собой. Ногти нервно ковыряли целлофан, который начинал постепенно рваться. Он обещал себе, что бросит! Он мечтал об этом в те дни, когда его рвало кровью! Он считал себя сильным!

Сорванный целлофан полетел на пол. Он смял картонную коробку, разгладил, снова смял. Сигареты внутри потеряли свою форму и стали ещё более неприглядными, чем прежде. Ллойд колебался, его язык облизывал пересыхающие губы, к голове скачками подступала кровь, потные ладони мяли

картон.

Сигареты не причинят тебе вреда... Да, человек с той стороны перекрёстка сделал его неуязвимым. Даже если задуматься о его словах, то выходило, что риск практически отсутствует. Какова с математической точки зрения вероятность того, что случайно вытянутая сигарета окажется роковой? При ста сигаретах этот шанс равнялся одному проценту, а с ростом их количества вероятность неуклонно стремилась к нулю. Пренебрежимо малая величина, вот как такое называлось на лекциях по высшей математике, которые Ллойд слушал в Университете.

И всё же... он сомневался, ситуация напоминала ему игру в рулетку.

– Всего одна! Только одна, она ничего не решит, от неё не будет вреда! Я её даже не замечу! – Ллойд резко отогнул картонку и вытянул из двадцати одинаковых одну сигарету. Он взял её наугад, как билет на экзамене, надеясь на то, что ему попадётся лёгкий вопрос.

В этот момент скрипнула дверь, и в помещение зашёл Клайд Коллинс, менеджер отдела управления проектами с третьего этажа, в зубах у него уже была зажата сигарета. Из заднего кармана Коллинс извлёк стилизованную под маленький револьвер зажигалку, чиркнул курком и подпалил кончик дорогой и элегантной сигареты.

Он с явным неодобрением пробежался взглядом по изломанной и дешевой сигарете Ллойда, но не стал по этому по-

воду ничего говорить.

– Ты с кем-то говорил? Я слышал голос. – Слова выходили неспешно вслед за затяжками. Коллинс покрутил головой, но кроме них двоих в помещении никого больше не было.

– Да, со своими внутренними демонами. – Ответил Ллойд. – Они пытались отговорить меня от курения. Вот только у них ничего не получилось.

Клайд Коллинс не нашёлся, что на это можно было ответить, поэтому протянул Ллойдку свой маленький револьвер, плюющийся огнём.

– Нет, спасибо. – Вежливо отказался Ллойд. – У меня своя.

Не обращая внимания на косые взгляды, Ллойд достал собственную зажигалку и покрутил колёсико, искры в купе с газом дали пламя, кончик вспыхнул, бумага начала тлеть. Его расклад измерялся одним к неизвестному количеству. Его лёгкие наполнились безвредным для него дымом. Ллойд подумал, что эти дешёвые сигареты не так уж и плохи.

А в это время человек с той стороны перекрёстка записал на своё счёт первое очко.